

объяснять своеобразием системы немецкого языка, более динамичного по отношению к русскому.

Уточнив определения индивидуальной языковой картины мира автора поэтического текста, обозначив две стороны её динамики и подробно рассмотрев ту из них, которая связана со значением языковых средств, в дальнейших наших исследованиях мы предполагаем остановиться на других аспектах репрезентации индивидуальной языковой картины мира, в частности на особенностях, проявляющихся в актуализации способов представления авторами реальной действительности.

Библиографический список

1. Анненский И.Ф. Стихотворения // Internet 2005: <http://www.top100.mafia.ru/library/Innokentij-Annenskij-Stihi-Tom-2-www.itlibitum.ru.html>
2. Бальмонт К.Д. Все стихи // Internet 2005: <http://www.itlibitum.ru/library>

С.А. Губанов

О КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМАХ ПОРОЖДЕНИЯ ЭПИТЕТОВ, ОТНОСЯЩИХСЯ К СФЕРЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ЧЕЛОВЕКА (на материале лирики М.И.Цветаевой)

Самарский государственный университет

Предметом нашего рассмотрения является смещённое определение в широком смысле этого слова. Нами установлено, что механизмы переноса эпитетов, выраженных не только прилагательными, но и наречиями, причастиями и, что значительно реже, существительными и междометиями, имеют когнитивный характер. Объяснение механизмов переносов в выражениях типа “одинокий сон” или “злое вероломство” лишь с опорой на теорию регулярной многозначности (Апресян, Никитин, Шмелёв) представляется не исчерпывающим, поэтому кажется обоснованным рассматривать такого рода смещённые прилагательные в логике действия когнитивных механизмов переноса. Данный подход даёт возможность охарактеризовать метонимические и метафорические логики переноса более многоаспектно; позволяет крупнопланово взглянуть на данные явления.

Материалом послужили художественные тексты М.И.Цветаевой. Именно в рамках креативного, индивидуально-авторского текстового пространства можно более чётко, наглядно показать типичные,

регулярные направления переноса определений в языке, а также указать на характерные и “излюбленные” механизмы переноса определений в творчестве конкретного автора. Для анализа мы взяли одну из самых продуктивных сфер функционирования эпитета – сферу эмоционально-психологического отношения человека к миру, к самому себе, сферу эмоций.

В последнее время так называемая лингвистическая антропология, изучающая различные стороны жизни человека, которые представлены в языковом коде, а также ставящая целью рассмотреть языковую картину внутреннего мира человека, приходит к выводу о том, что данная языковая картина мира может быть представлена как фрагмент наивной анатомии и физиологии, как система внешних симптомов внутренних состояний, как некий универсум-микрокосм и как “образная грамматика иносознания” (Косыкина [3], Одинцова [4]). Наивная анатомия внутреннего человека исходит из универсального принципа, постулируемого когнитивной лингвистикой о том, что в основе языка лежит телесный опыт человека. Таким образом, внутренняя сфера жизни человека строится по модели внешнего человека. Многие концепты психики человека находят свою языковую репрезентацию в выражениях, характеризующих внешнюю представленность человека (сердце кровью обливается). Выделяют органы душевной жизни человека с опорой на предложенный Е.В.Урысон перечень приписываемых им признаков, типичных для физических органов: закреплённость за определённой функцией, способность испытывать физические ощущения, возможность мыслиться какместилище, компактность, локализация, функционирование независимо от воли субъекта, контролируемость субъектом (Урысон). Устройство внутреннего человека включает душу, дух, сердце, ум, рассудок, разум (описаны Марченко), память, совесть, воображение, фантазию, волю, способности, чувства (Урысон), печень, грудь (=сердце) (см. работы Д.Н.Шмелёва). Как показала Е.В.Урысон, наиболее сходна с материальными органами душа: она обладает всеми признаками физического органа (см. выше).

Симптоматика внутреннего человека, внешние проявления внутренних процессов, и в первую очередь очередь процессов эмоционально-психологических, описана многими лингвистами [1], [2], но когнитивных исследований данной субсферы пока не имеется.

Микрокосм внутреннего человека включает в себя все основные объекты живой и неживой природы: стихии (в пылу страсти), растения (расцветающая любовь), животных (совесть гложет), человека (воспитание чувств) и т. д.

В центре нашего внимания находится не общезыковая картина внутреннего мира человека, как это было показано выше, а индиви-

дуально-авторская. По этой причине интереснее рассмотреть четвёртый срез структурирования внутреннего человека — “образную грамматику иносознания” (термин М.П.Одинцовой). Сформировалось представление о том, что всё многообразие лексико-грамматического представления психики человека может быть сведено к двум основным способам: целостно-субъектным и частично-субъектным, реализующим одну образную схему “часть-целое”, иными словами, имеющими метонимическую природу. Человек мыслится как часть мира или как сложное целое, состоящее из частей. “Отчуждённые от человека “части”, будь-то органы или квазиорганы (сердце, душа), состояния или чувства (любовь, сомнение), плоды духовной деятельности человека (мысль, идея) или его второе я, выступают в роли одного из персонажей сообщения наряду с реальным субъектом состояния или в роли его метонимического заместителя” [3, 5]. Такие метонимические замены становятся наиболее регулярными и массовыми в художественном тексте.

Роль эпитета и определения (в широком смысле слова) в языке в процессе осмысления человека как целого, состоящего из частей, очень велика. Предикативно-атрибутивная функция определения позволяет квалифицировать объект очень конкретно, точно, причём такие характеристики становятся часто узуальными.

Перейдём к рассмотрению эпифраз, эксплицирующих данную логику осмысления внутреннего мира человека в аспекте его переживаний. Материалом для анализа послужили тексты лирических произведений М.Цветаевой. В статье анализируется одна субсфера-эксplikатор идиолекта поэта — сфера человека как наиболее показательная в плане репрезентации переносных определений.

Данная сфера наиболее продуктивна, т.к. антропоцентрична по своей сути, что соответствует общей логике языка. Нельзя не признать справедливость высказывания Ю.Н.Караулова: “Центр языковой картины мира — человек как вершина мироздания, исходный пункт, смысл и цель всех её составляющих” (Караулов).

В статье мы пытаемся доказать, что факты употребления эпитетов в составе эпифраз в лирике М.Цветаевой носят переносный характер, а вектор переноса имеет когнитивную природу.

Приведем наиболее показательные примеры употребления переносных эпитетов антропоморфного характера в лирике М.Цветаевой.

*... что эти слишком гневных глаз // Не вынося, боялись люди [1:71]¹;
Чтоб только не видеть ваш радостный взор [1:73];
И чей-то взор неумолимо-грустный [1:8];*

¹Первая цифра обозначает номер тома полного собрания сочинений М.И.Цветаевой, вторая — страницу.

И на ревнивые твои ресницы умиляясь... [1:320].
Кровавые распри и страстные слезы [3:428].
Эту живую рану // Бешеным ртом зажать [1:542];
Ртам и розам — разве помнил счет и грустный рот? [1:330];
Рот улыбался легко и нагло [1:456];
Смоль поцелуев злых [2: 120].
И движенья рук невинных — // слишком злы [1: 421];
Дерзкая, — ох! — кровь [1: 270].
Дугой согбен, все — гордая спина [1:552].
К смелым душам ... [1:90];
В этой грустной душе ты бродил ... [1: 85];
Душа, не знающая меры ... Тоскующая по плечу [2:19];
Душе капризной странно дорог ... [1:65];
...да бежит // Сон вероломный [3: 630];
Исцели от памяти любовной [3: 416];
*Как **страстная** совесть в бессонный час // Мне жизнь молодую то-
чит!* [1: 464].

Состав субстантивов представляет собой наименования частей тела человека: наиболее употребительно в идиолекте поэта имя концепта “глаза” (более 100 употреблений в исследованном материале), а также — взгляд (88 единиц), рот (73 единицы), рука (54 единицы), кровь (29 единиц) и квазиорганы — душа (69 единиц), память (11 единиц), совесть (6 единиц) и др. Эпитеты к данным субстантивам обнаруживают регулярную воспроизводимость: как правило, со всеми приведенными именами концептов употребляется эпитет “грустный” (или его синоним “печальный”, “тоскливый”), что говорит об антропоцентричности эпитетов, ведь все они сочетаются с номинациями частей тела человека и выражают эмоциональное состояние человека. Данный факт заставляет говорить о фреймовом типе метонимического переноса прилагательного по логике “часть — целое” (перенос с человека как существа, способного испытывать те или иные чувства — грусть, тоску, страсть, страх и т.д. — на его части-микромонцепты — глаза, рот, душа, память и т.д.).

Проиллюстрируем данную мысль конкретными примерами из текстов М.Цветаевой.

В словосочетаниях с эпитетом “грустный” (самая частотная группа) эксплицитно выражается внутреннее состояние субъекта — чаще всего это происходит в сочетании с субстантивом “глаза”, но логика переноса с человека (грустный человек) на его часть (грустный взгляд, взор) распространяется и на другие микромонцепты: абстрактный синоним концепта — “взор, взгляд” (*И чей-то взор неумолимо-грустный*), рот (*Ртам и розам — разве помнил счет и грустный рот?*), душа (*В этой грустной душе ты бродил*). М.Цветаева специально оговари-

валась, что выражение “грустные глаза” — общезыковое, не авторское, так говорят все поэты, это чувство, которое вызывает у автора выражение глаз человека (см. записные книжки поэта, том 6); но экспансию данного эпитета на другие части тела человека следует признать чертой идиостиля поэта.

Эпитет “капризный” (также один из самых частотных эпитетов) также сочетается с названиями различных концептов: “*капризные завитки ресниц*”, “*душе капризной странно дорог*”, “*капризная улыбка*”. Другие эпитеты, передающие эмоциональное состояние субъекта, также, как правило, сочетаются с несколькими субстантивами. К примеру, эпитет “страстный”: *Как страстная совесть в бессонный час // Мне жизнь молодую точит!; Кровавые распри и страстные слезы; страстные души. Факты общезыкового употребления эпитетов (капризная улыбка, грустные глаза), наряду с авторским распространением признака на смежные микроконцепты, заставляют говорить о единой логике осмысления “внешней представленности” эмоционального состояния человека, его “локализации”, причем такая “локализация” ситуативна.*

Общие когнитивные основания переноса эпитета объясняют механизм вектора переноса и образования таких прилагательных, но оставляют открытым вопрос об интерпретации таких эпитетов (как известно, особенность художественного текста — его неоднозначное прочтение, наслоение смыслов). В словосочетании “*смоль поцелуев злых*” остается непонятным значение эпитета “злой”: возможно, это поцелуи злого человека или это ощущение от поцелуев. Такая многозначность рождает вереницу ассоциаций и образов, что является отличительной чертой поэтики М.Цветаевой. Один и тот же эпитет может передавать разные чувства человека и рождать различные смыслы при его интерпретации.

К примеру, в словосочетаниях “страстные слезы” и “страстная совесть” перед нами одно чувство — страсть — выражено эпитетом “страстный”, что подтверждает наши мысли (см. выше), но значение данных эпитетов не одинаково, что обусловлено разными субстантивами, с которыми они сочетаются. В первом случае это “слезы от страсти, от сильных чувств” или особая степень проявления физиологического состояния “проливание слез”; во втором же примере говорится о другом чувстве — о совести, которая всегда говорит в человеке, не оставляет его ни на минуту (вновь степень проявления признака актуализируется).

Многообразие определений психологического состояния субъекта в рамках данной субсферы заставляет говорить о возможности наделения любой части человеческого тела-космоса любой характеристикой психологического состояния, которая актуальна для всего

целого — человека здесь и сейчас. Изменчивость чувств и их универсальность, “проживаемость” всеми и каждым позволяет без каких бы то ни было ограничений конструировать эпифрастические сочетания по метонимической логике.

Основные психологические состояния субъекта — ревность, грусть, радость и т.д. — репрезентируются средствами эпифразы последовательно. Вектор переноса в таких выражениях один: с человека, обладающего способностью переживать различные чувства, на органы и квазиорганы человеческого тела, на внутреннего и внешнего человека, по фреймовой метонимической логике “часть — целое”.

Библиографический список

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного исследования // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37-68.
2. Вольф Е.М. Эмоциональные состояния и их представление в языке // Логический анализ языка. М.: Наука, 1989. С. 55-74.
3. Коськина Е.В. Внутренний человек в русской языковой картине мира: образно-ассоциативный и прагматингвистический потенциал семантических категорий “пространство”, “субъект”, “объект”, “инструмент”: дисс...канд. филол. наук. — Омск, 2004. — 190 с.
4. Одинцова М.П. Языковые образы “внутреннего человека” // Язык Человек. Картина мира: Лингвоантропологический философский очерк (на материале русского языка). Ч.1 / под ред. М.П.Одинцовой. — Омск, 2000. — С. 11-28.
5. Цветаева М.И. Собрание сочинений: В 7 т. — М.: Эллис-Лак, 1994. Т. 1-5.

О.В. Золотоверхая

ОБРАЗ ПЕШЕГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В РУССКОЙ ПАРЕМИКЕ

Ростовский государственный университет

Паремиологические единицы (далее ПЕ), подобно другим единицам языковой системы, существуют не изолированно друг от друга, а вступают в определенные связи и отношения, образуя особые группы. Материалом для данной работы послужили выбранные из сборника В.И. Даля [1] паремии, содержащие образ пешего передвижения, вербализованный в глаголах движения *идти*, *ходить*; *бежать*, *бегать*; *ступать/ступить*; а также *заходить/зайти*, *отходить/отойти*, *приходить/прийти*, *проходить/пройти* — всего 9 глаголов. Из них самыми частотными являются глаголы *идти* (186) и *ходить* (243 из 589).